

цессов значительно изменился образ жизни автохтонного населения Кольского п-ва, произошли переключение на добычу пушнины и утрата ряда характерных черт традиционной материальной культуры, что затрудняет выявление кратковременных стойбищ железного века, идентификацию их обитателей и связь с предшествующим населением. Во второй половине I тысячелетия н.э. отдельные коллективы усваивают навыки оленеводства.

Само название аборигенов Кольского п-ва не сохранилось. Применяемые к ним этнонимы "лопари" (лопь) и "саамы" либо являются этнографическими терминами (лаапи - северные), либо объясняются длительными и давними контактами с обитателями соседних территорий, с которых, видимо, и было перенесено на них второе наименование (этноним "саамы" генетически родствен этническому собирательному названию самодийцев - самоядь).

Таким образом, история происхождения народности, называемой саамами, очень своеобразна. Древнее европеоидное население, впервые заселившее самый север Европы, путем длительной борьбы за существование достигло высокого уровня развития, а в некотором отношении даже опережало (специализированные приемы морской охоты) общества, находившиеся в сходных экологических условиях. Затем в результате неоднократных инфильтраций и кризиса хозяйства оно частично утратило и модифицировало многие элементы своей материальной культуры, в значительной степени язык и даже самоназвание: для одних, более южных народов стало просто "живущими севернее...", а для других - саамами. Основное историческое содержание эпохи средневековья составляет длительный процесс этнической консолидации аборигенов, но еще долго, вплоть до изменения социального устройства в СССР, это автохтонное гиперборейское население не могло достичь уровня развития соседних народов и числилось в разряде отсталых обществ.

ФОЛЬКЛОР

А. Виссел (Тарту)

ПАСТУШЕСКИЕ ПЕСНИ ЭСТОНЦЕВ И СОСЕДНИХ НАРОДОВ

Пастушеская песня - вокальная часть пастушеской музыки - известна почти у всех прибалтийско-финских (ливы, эстонцы, ижорцы, карелы и финны) и балтийских (латыши и литовцы) народов. У русских и белорусов встречается только инструментальная пастушеская музыка.

В эстонском, латышском и литовском фольклоре пастушеская песня относится к группе трудовых песен. Песня сопровождала пастуха начиная с выгона скота утром и кончая вечерним возвращением домой. Она помогала удерживать стадо вместе, общаться с пастухами-соседями или с домом, отгонять хищников, но была и развлечением, помогая коротать день.

Тексты латышских и литовских пастушеских песен отличаются от эстонских, но есть и общие мотивы: тяжелая доля пастуха; стадо; дома идет мячеха; ленивый пастух или пастушка (спит вместе с поросятами или собаками; в Эстонии - спит вместе с кошкой или собакой или у парня). Литовские, латышские и ижмо-эстонские песни содержат сиротские мотивы. Близкими могут быть также тексты окликов или переключек пастухов. Пастушеские песни, обращенные к солнцу или дождю, у латышей-литовцев и эстонцев различаются: у эстонцев и литовцев сильнее выражен элемент заклинания. Тема любви и супружества, которая отмечается у латышей, в эстонских пастушеских песнях отсутствует. В непосредственном соседстве с латышами, в Эстонии, можно встретить типы песен с латышским влиянием, например "Пастушок просит хляжа" ("Сер,

mate, kukuli") и "Похороны пастушка" ("Viens gane pomīga").

Эстонские пастушеские песни содержат три различных подвида, отражающие разные стадии развития формы: оклик, *helletus* и пастушеская песня (в более узком значении).

Оклики (сигналы, поданные голосом) известны у эстонцев, латышей и литовцев. Встречаются два типа коммуникаций: человек и человек; человек и животное (призывы, успокаивания и т.д.).

helletus - промежуточная форма между окликом и песней. В эстонской фольклористике под *helletus* понимается мелодически развитый оклик, который мог исполняться без текста (в Северной Эстонии) или с помощью особых слов-обращений, между которыми могла быть короткая фраза (в Южной Эстонии, особенно в Мульгимаа). При помощи *helletus* пастухи держали связь между собой (например, звали соседа со стадом к себе). Аналогичные тексты кроме эстонцев и латышей имеются и у литовцев. Особенно сходны *helletus* у эстонцев и латышей: близкие тексты, припевы и напевы. Такие же напевы *helletus* встречаются и в финских пастушеских и детских песнях. Исследователи народной музыки Х. Тампере, Е. Витолинь и М. Гольдин подчеркивали характерность *helletus* для Курземе, Видземе и Земгале, где поначалу селились ливы.

Напевы прочих вжноэстонских пастушеских песен рецитативны; рефренные, 1-2-строчные, с диапазоном терции или кварты, они близки к напевам других трудовых и обрядовых песен. Как и в латышских пастушеских напевах, припев находится в середине или конце фразы, схожи и слова припевов, а подчас и интонации. При знакомстве с репертуаром соседних народов создается впечатление, что звукообъем и мелодичность припевов пастушеских песен (особенно в латышских "gavilēšana" и литов-

ских "galiavimai") возрастает в южном направлении.

Второй самобытный регион распространения пастушеских песен в Эстонии - Сетумаа. Специфический пастушеский напев сету отличается от остальных сетуских напевов и не встречается в других районах Эстонии. Примечательно, что аналогичный напев зафиксирован у латышей и ижорцев, а такой же метроритм отмечен и в белорусских обрядовых песнях.

Напевы пастушеских песен Северной Эстонии не имеют припева и соотносятся с карельской и финской традицией.

М. Кийва (Тарту)

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ЧЕРТАХ ЗАГОВОРНОЙ ТРАДИЦИИ ЭСТОНЦЕВ И БАЛТСКИХ НАРОДОВ

Заговоры являются довольно существенной, но сравнительно мало исследованной областью эстонской народной традиции. Заговоры Южной Эстонии и западных островов представляют собой своеобразную группу, совершенно отличающуюся по содержанию от северо-эстонской заговорной традиции. У этой группы больше общих черт с балтийским материалом, поскольку между ними имели место относительно тесные культурно-исторические связи, были общие черты и в развитии экономики. Вопрос о взаимном влиянии и общих чертах балтийского и финского (в более широком плане - всего прибалтийско-финского) фольклора не нов. Об этом писали уже А. Р. Ниemi (1899, 1914) и другие. Заговорам, как виду фольклора, свойственна контаминация. Общественные заговоры и христианские заговорные легенды имеют широкое территориальное распространение, переплетаясь с локальными мотивами. В то же время в структуре заговоров, особенно в связанных с ними верованиях и обрядах, имеется много стереотипного, свойственного многим народам.